

В. В.-О. Лоога

ФЕЙЕРВЕРКИ В ЧЕСТЬ НИШТАДТСКОГО МИРА

Десятого сентября (30 августа) 1721 г. ратификацией договора между Швецией и Россией завершилась длившаяся 21 год Северная война. В ходе четырехмесячных переговоров, проходивших в финском городке Ништадте с апреля 1721 г., между Россией и Швецией устанавливался «вечный, истинный и нерушимый мир на земле и воде». К России переходили в «вечное владение» и «собственность» Ингрия, часть Карелии, Эстляндия и Лифляндия. В результате этих приобретений побережье Балтийского моря от Выборга до Риги с островами Моонзундского архипелага вошло в состав Русского государства, что позволило установить контроль над восточной частью Балтийского моря.

Победное окончание войны стало важнейшей вехой в истории царствования Петра Великого и главным достижением его внешней политики. Получив известие о завершении переговоров и заключении мирного трактата, он писал: «...нечаяемая так скоро ведомость нас и всех zelo обрадовала и что сия трехвременная жестокая школа такой благой конец получила... славное в свете сие дело ваше никогда забвению предатися не может, а особливо что николи наша Росия такого полезного мира не получила»¹.

Ништадтский мирный договор ознаменовал усиление роли Русского государства в международных отношениях и закрепление за ним ранга великой державы, что вызвало перестройку всей европейской политической системы. Россия прочно включилась в систему европейских государств, оказывая существенное и все возрастающее влияние на расстановку сил и общее развитие международных отношений в Европе в XVIII в. В европейских столицах теперь внимательно присматривались к ее планам, считались с ее мнением по тем или иным вопросам международной политики. Французский дипломат Жак Компредон в своих донесениях о Петре I отмечал: «При малейшей демонстрации его флота, при первом движении его войск, ни шведская, ни датская, ни прусская, ни польская корона не осмелится ни сделать враждебного ему движения, ни шевельнуть с места свои войска»². Суммируя свои наблюдения, французский дипломат приходит к выводу, что теперь Россия является «одной из главнейших держав в Европе»³.

Заключение Ништадтского мира было отмечено большими торжествами в Петербурге. Для участия в них в новую столицу были приглашены высшие военные и гражданские чины страны, прибыли части 27 полков армии-победительницы, на Неву в район Троицкой площади подошли 125 галер русского Балтийского флота⁴. Они начались 22 октября 1721 г. с проведения литургии в Свято-Троицком соборе, на которой

присутствовал сам Петр, высшие государственные сановники и духовные иерархи. После окончания церковной службы был зачитан текст трактата о вечном мире, а «потом от Архиепископа Псковского поучение на кафедре сказывано, в котором все Его Величества дела и славныя действия со всеми благодеяниями, которых Он во время сего Своего Государствования, особливо же сей войны, Своему Государству и подданным показал, пространно показаны...». В заключение оратор отметил, что присвоение Петру имени «Отца Отечества, Императора и Великого» «по достоинству... подобает»⁵. Далее с поздравительной речью в честь Петра от имени «всех Государственных Чинов» выступил президент Коллегии иностранных дел граф Г. И. Головкин, обосновавший поднесение нового титула «император» и право российского самодержца использовать новый титул в международной практике примером «Греческих и Римских Сиглитов, которые своим, славными делами и милостию прославившимися, Монархам, оное прилагали»⁶. После заключавшего речь троекратного «Виват, виват, виват Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский!», подхваченного сенаторами и народом, стоявшим в церкви и на площади перед собором, раздался колокольный звон, звуки труб, литавр и барабанов, пушечная и ружейная стрельба⁷.

Сразу после торжественного богослужения происходила церемония раздачи наград участникам войны, также сопровождаемая салютом из пушек и беглого огня присутствовавших на церемонии полков. К вечеру набережные и улицы города были украшены цветными фонариками, на перекрестках горели смоляные бочки и костры. Кульминацией празднования стал фейерверк, устроенный на Петербургской стороне напротив здания Сената.

Центральную декорацию фейерверка представлял собой «Янусов дом». Храм двуликого Януса с отворенными или закрытым воротами, олицетворявший у древних римлян начало или окончание войны, уже использовался как символ в фейерверках 1699 и 1700 гг. по случаю прекращения войны с Турцией.

Петр, находившийся с приближенными на галерее Сената, лично подал сигнал к началу фейерверка, подожженная им деревянная фигура орла, по системе тросов перелетевшая площадь, в свою очередь зажгла центральную декорацию. В свете многочисленных огней зрители увидели освещенные открытые двери храма с фигурой «мирорешительного» Януса, державшего в руках лавровый венок и масличную ветвь. Двигающиеся навстречу друг другу фигуры в виде коронованных рыцарей с протянутыми для рукопожатия руками, олицетворявшие российскую и шведскую державы, затворили двери храма, символизируя заключение мира.

Как только вход в храм Януса был закрыт, над ним взлетело «шесть тысяч ракет и прочих фейерверочных фигур», заиграли духовые оркестры, раздался колокольный звон и грянул салют. По словам очевидца, «огонь с валов крепости и Адмиралтейства и стоящих на Неве галер был так велик, что все казалось объятым пламенем, и можно было подумать, что земля и небо готовы разрушиться... Горел большой и высоко поставленный щит, на котором было изображено правосудие, попирающее ногами двух фурий... – недоброжелателей и ненавистников России... Затем зажгли другой щит, на котором изображался плывущий по морю входящий в пристань корабль с надписью: „Конец увенчал дело“...»⁸.

По сторонам храма Януса были также представлены пирамиды, которые казались сделанными из бриллиантов, что достигалось сгоранием особых фейерверочных

изделий, дававших яркий белый свет. Кроме того, как рассказывает очевидец фейерверка, «пустили множество воздушных шаров, огромных и сильных ракет, бураков, открыли фонтаны, колеса и пр., которых огонь не прерывался в продолжение почти двух часов. Наконец, пущено было по воде несколько фигур из прекрасного голубого и белого огня, вместе с множеством водяных шаров, дукеров, водяных швермеров и других на воде горящих фигур»⁹. Одновременно на воде были показаны четыре «огненные фигуры», изображавшие Славу, Правосудие, Осторожность и Победу.

В устройстве этого грандиозного фейерверка принимал большое участие сам Петр и военные инженеры Скорняков-Писарев и Корчмин. Над декоративным оформлением представления работал резчик Н. Пино, спроектировавший транспарант с храмом Януса.

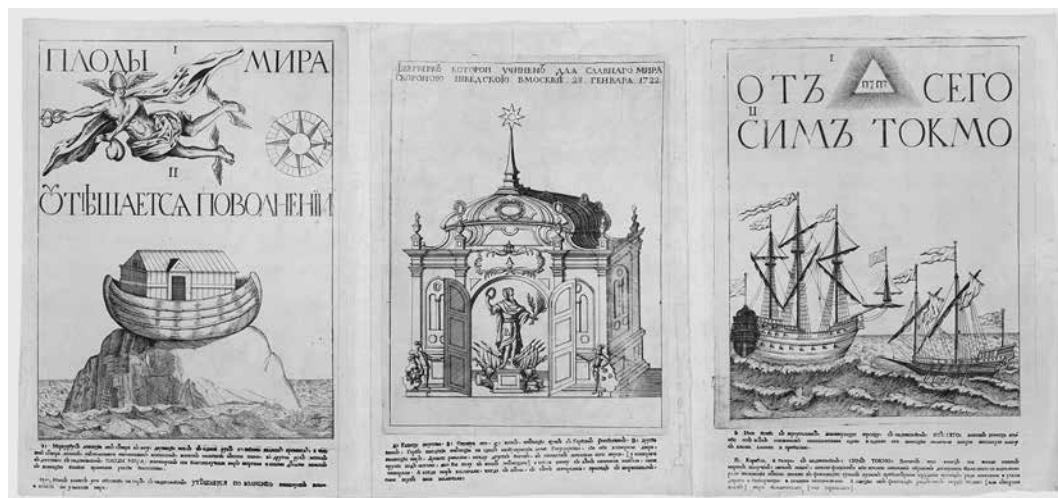
С общим видом декораций и символикой фейерверка, помимо описаний современников, мы можем познакомиться на гравюре А. Зубова, изданной по случаю повторения праздничных торжеств в Москве (ил. 1).

Центральная декорация представляла тот же сюжет «Капища Янусова», двери которого закрывают Россия и Швеция. После нее были показаны в оформлении фейерверочных огней еще несколько картин. На одной из них представлен летящий Меркурий с девизом «Плоды мира», что символизировало процветание торговли по окончании войны. На второй изображен библейский Ноев ковчег, стоящий на горе Арарат как символ окончания Северной войны, которая по перенесенным Россией тяжелым испытаниям сравнивалась с Всемирным потопом. Выше светилась надпись: «Утешается по волнению». Еще одна в виде символа «Всевидающе око» и девиза «От сего» толковалась как окончание войны с помощью Божией. Последняя, изображавшая фрегат и галеру на море с надписью «Сим токмо», означала, что мир был достигнут созданием морского флота.

На Красном лугу, где собрались тысячи москвичей и почетные гости, расположившиеся в специально построенных для этого галереях, следили за «огненной потехой», в ходе которой было сожжено несколько тысяч ракет и огромное множество «потешных фигур» – ядер, огненных колес, сверкающих пирамид. Как отмечали современники, представление фейерверка в Москве отличалось большими размерами и пышностью, чем проходившие ранее в Петербурге.

Празднование 22 октября оказалось удобным моментом для осуществления давно назревшего решения, должного по мысли Петра «определить форму и значение русской монархии»¹⁰. Торжества в Петербурге стали только первым шагом на пути приобретения Россией ранга великой державы, укреплению ее внешнеполитического престижа. Новый уровень общения с внешним миром, новые торговые и военные отношения, расширившиеся потоки информации в области науки, культуры и образа жизни предполагали глубокие изменения в вопросе определения места страны в политической иерархии европейских государств. Естественным шагом на этом пути становилось признание другими ведущими державами Европы императорского титула Петра I, имевшего прямое отношение к новым этническим и культурным реалиям, территориальному статусу и политическому рангу государства на международной арене.

Русское государство не было абсолютным новичком в сформированной после заключения Вестфальского мира системе международных отношений на европейской

Ил. 1. А. Ф. Зубов. Изображение фейерверка по случаю заключения Ништадтского мира со Швецией, данного в Москве 28 января 1722 года. 1722 г. Бумага; офорт. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРГ-10551

политической арене. Россия входила в список 50 европейских государств – гарантов его выполнения как союзник Швеции по Столбовскому мирному договору 1617 г., хотя и занимала в этом списке со сложной иерархией предпоследнее (49-е) место, оставив после себя только Трансильванию.

Несмотря на декларированный принцип взаимного признания национального суверенитета и равноправия государств, важнейшим итогом Вестфальского мира стало формирование своеобразной системы европейского местничества, фиксированной международным правом и дипломатическим этикетом и определявшейся географическим положением страны, ее возроставшими политическим влиянием, экономической мощью и военной силой. Высшую политическую номинацию имела Священная Римская империя, регулировавшая взаимоотношения десятков немецких королевств, государств-княжеств и городов. Следующей ступенью шли сложившиеся национальные королевства Англия, Франция, Испания и др. Далее республиканские – Венецианская республика, Республика Соединенных провинций (Голландская республика), еще ступенью ниже прочие независимые великие княжества и герцогства. Особое место в этой системе занимал папский престол.

На рубеже XVII–XVIII вв. «меняется само место России в системе международных отношений. Уже в конце XVII столетия Россия была довольно весомой политической силой, которая оказывала заметное влияние на положение в Центральной и особенно в Юго-Восточной Европе. Победы в Северной войне возвели Россию в гораздо более высокий ранг – в ранг великой европейской державы. <...> Влияние России становится реальным фактором европейской и мировой политики, она оказывает активное воздействие на развитие международных отношений»¹¹. Стратегией и тактикой российской дипломатии еще в ходе Северной войны, и тем более после ее победного окончания, стало изменение восприятия России и ее места с учетом постоянно менявшегося контекста европейской политики и баланса сил на международной арене.

Следует учитывать, что взгляд на Россию из Европы и представление о своем месте в Европе русских на рубеже XVII–XVIII вв. зачастую не совпадали. Для русской стороны понятие «царь» изначально было равно «цесарь» (титул императора Священной Римской империи), для Запада же титул русских государей в дипломатических документах был неопределенным и варьировался в зависимости от политической конъюнктуры, скорее приравниваясь к королевскому. Прецеденты, когда русских князей именовали императорами в дипломатических документах, имелись еще с XVI в., но подобная форма лести, будучи позволительной при отсутствии постоянных дипломатических отношений, с начала XVIII в. потребовала четкой фиксации в международных правовых документах.

Закреплением новой формы титулатуры на нормативно-правовом уровне Петр I занялся сразу же после празднования Ништадтского мира. Особое значение он придавал вопросу о правильном использовании императорского титула в дипломатических документах, где Петра теперь следовало называть «Божией поспешествующею милостию... Императором и Самодержцем Всероссийским» с перечислением всех территориальных владений российской императорской короны. 11 ноября 1721 г. был выпущен именной указ, в котором император повелевал писать новый титул «*в грамотах в иностранныя и внутрь Государств* (курсив мой. – В. Л.), также в указах, в челобитных, в отписках, в приговорах, в пашпортах» и деловой переписке между коллегиями¹².

Другим аспектом стала продолжавшаяся на протяжении почти всего XVIII столетия дипломатическая борьба за признание европейскими государствами императорского титула русских монархов после его публичного декларирования русскому обществу в 1721 г.¹³

Одним из аспектов этой борьбы была организация дипломатическими представителями Петра I при европейских дворах различных торжественных мероприятий, праздничных пиров и приемов, сопровождавшихся фейерверками. Традиция отмечать наиболее значительные события, устраивая при этом увеселительные фейерверки, зародилась как прием русской дипломатии после Полтавской победы. Так, осенью 1709 г. были организованы фейерверки дипломатическим представителем Петра I в Гааге графом А. А. Матвеевым, послом при датском королевском дворе в Копенгагене князем В. Л. Долгоруким и чрезвычайным посланником при прусском дворе Альбрехтом фон дер Литом в Берлине. В 1712 г. в честь трехлетней годовщины Полтавской победы русские послы в Стамбуле ближний стольник П. А. Толстой, вице-канцлер барон П. П. Шафиров и генерал-майор граф М. Б. Шереметев «...в день Полтавской баталии 27-го июня и в день тезоименитства его величества 29-го же давали в доме своем торжества приглашением на обед иностранных министров и знатных купцов дружеских напей и представлением комедей на италянском и русском языках. А пред домом же их ввечеру зазжена была аллегорическая иллюминация, приличествующая тем дням, и для народу пущены были фонтаны с белым и красным вином»¹⁴.

Такое крупное событие, как окончание Северной войны, естественно, не могло не найти своего выражения в целой серии фейерверков, устроенных русскими дипломатическими представителями в Дании, Нидерландах и при дворе саксонского курфюрста в Дрездене. Следует отметить, что все они проводились практически одновременно и были объединены между собой не только темой празднования в честь заключенного в Ништадте мира, но и зримым провозглашением нового титулования царя Петра как «Императора Всероссийского».

Один из них, наиболее замечательный по оформлению, был сожжен в Амстердаме 9 декабря 1721 г. голландским купцом и личным представителем Петра I в Амстердаме Христоффелем ван Брантсом¹⁵ перед окнами своего дома, расположенного на канале Кейзерсграхт. Его содержание мы можем видеть на гравюре из собрания ОИРК (ил. 2).

Вверху над изображением надпись: «Ter gedagtenisse van de Overheerlyke Vreede door zyn Keyserlyke Mayesteit van rusland, etc: etc: en den koningen de croon van Sweden. den 30en Augusty S.V. geslooten, en naar dien vok geratificeerd, heeft den Ed: Heer Christoffel van Brants, Ryks Edelman, Hoffraed, en Resident van zyn Keyserlyke Majesteit van Rusland, resideerende tot Amsterdam, dit vreugde vuur laten oprechten, en doen aensteeken den 9 December: S. N: a° 1721». («В память об объявлении мира между его Императорским Величеством Российским и т. д и т. д. и короной и королевством Шведскими. 30 августа ратифицированный этими народами Христоффел ван Брантс, резидент его Императорского Величества Российского, проживающий в Амстердаме, зажег этот торжественный огонь 9 декабря 1721 года»).

На листе изображена кульминация фейерверка. Вздвигающиеся вверх столбы пламени освещают стоящий на плоту в воде транспарант, выполненный в виде триумфального сооружения, увенчанного двуглавым орлом. На фронтоне изображены три фигуры в римских доспехах, по всей видимости представляющие Петра I (стоит в центре с державой и скипетром в руках) и его полководцев. Над ними латинский девиз: «PRAEMIA DAT MERITIS» («Награждает за услуги»). Центральная часть транспаранта представляет из себя композицию из картуша с надписью «PETRUS MAGNUS D.G. RUSSIAE IMPERATOR PIUS FELIX PATER PATRIE SEMPER AUGUSTUS RESTAVRATOR PACIS TERRA MARIQUE» («Петр Великий божьей милостью Император Российский всегда счастливый Отец Отечества восстановитель мира на суше и на море»). Под ним медальон с погрудным портретом Петра I в лавровом венке и прикрепленным к нему снизу знаком кавалера Андреевского креста. В медальоне по кругу плохо различимые на гравюре латинские надписи. Медальон поддерживает фигура парящей в небе Славы с трубой, на флаге которой видна надпись «ILLIUS FAMA PERENNIS» («Его Слава неизменна»), последнее четвертое слово неразборчиво.

Особый интерес для исследователей может представлять нижняя часть изображения на транспаранте, где присутствует сидящая на постаменте женщина, в поднятой руке

Ил. 2. И. Смит по проекту С. а Шинво. Изображение фейерверка и иллюминации, данных в Амстердаме 9 декабря 1721 года. 1721–1722 гг. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРГ-33603

которой – горящее сердце. Ее обнимают дети, постамент окружен женскими фигурами, возносящими мольбы. Возможно, эта фигура должна представлять в одном лице Россию и жену Петра I императрицу Екатерину Алексеевну. Подтверждением этой гипотезы могут служить надписи на постаменте: девиз «ARDENS, AMORE, MISERIS, SUCCURRO» («Пылающая любовь отправляет помощь») и прославление «VIVAT AUGUSTA SOBOL EX» («Виват Августа и потомство») на его основании. На заднем плане слева изображен военный флот, справа – отряд конницы со знаменами. На постаменте транспаранта использован сюжет триумфального шествия запряженной четырьмя конями колесницы, в которой под приветственные клики едет увенчанный венком император с надписью на развевающейся ленте «VIVAT IMO. TRIUMFAT». По бокам от транспаранта расположены две фигуры, изображавшие богиню Афину Палладу с кошью и щитом в руках и бога морей Нептуна. Помимо самого транспаранта на полотне видны светящиеся надписи, одна из которых представляет собой буквы «PAP» под короной, что предположительно можно расшифровать как написанную латинскими буквами монограмму имени Петра – Петр Первый Алексеевич. Симметрично ей и также увенчанная короной, расположена надпись «PAX» («Мир»). В нижней части гравюры напечатаны стихи на латыни, прославляющие деяния Петра Первого и начинающиеся словами «Viva PATER PATRIE...» («Славься Отец Отечества...»), подчеркивая заложенное в фейерверк послание, транслирующее новую титулатуру русского царя.

Осенью 1721 г. в Копенгаген прибыл Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. Молодой дипломат получил пост министра-резидента при дворе короля Фредрика VI, где он сменил В. А. Долгорукого. Для Бестужева это было первое самостоятельное задание, необходимо было внимательно следить и по мере сил противодействовать влиянию английского короля Георга I, пытавшегося объединить Данию и Швецию для борьбы против притязаний России на контроль восточной части Балтийского моря, беспопытный проход через пролив Эресунд русских судов и признание датским двором императорского титула царя Петра.

Одним из первых действий А. П. Бестужева стала организация 11 декабря 1721 г. торжественного приема для иностранных дипломатов и первых лиц датского королевства в столице недавнего союзника России. Перед своим домом он велел выстроить прозрачные картины, на одной из которых был изображен бюст Петра с латинской надписью: «Шестнадцать лет ознаменовав подвигами, затмившими деяния Геркулеса, он заключил 30 августа 1721 года славный мир в Нейштадте, заставив безмолвствовать зависть и даровав Северу давно ожидаемое спокойствие». На приеме русский резидент раздал всем гостям памятную медаль с приведенным выше изречением, по собственной инициативе выбитую в Гамбурге. В Дании чеканить монету отказались из-за слов «даровав Северу давно ожидаемое спокойствие», найдя ее предосудительной. По окончании приема был сожжен фейерверк. Программа праздника отражена в небольшой гравюре на шелке, хранящейся в фондах ОИРК (ил. 3).

В верхней части гравюры на широкой ленте на французском и датском языках воспроизведена надпись: «План иллюминации, представляющей место нахождения преславно заключенного Мира 30 августа 1721 года между Его Императорским величеством Всероссийским и королем и короной Шведской что Алексей Рюмин-Бестужев министр Его Императорского Величества Всероссийского при дворе Датском построил и выполнил в Копенгагене 11 декабря 1721 года».

Ил. 3. Неизвестный гравер. Изображение фейерверка по случаю Ништадтского мира, устроенного русским послом А. Бестужевым-Рюминым в Копенгагене 11 декабря 1721 года. 1721 г. Шелк, гравюра резцом и офортom. Государственный Эрмитаж. Инв. № ЭРГ-15243

Транспарант фейерверка представляет собой аллегория Мира, сидящую на постаменте женскую фигуру с опущенным вниз зажженным факелом в одной руке и поднятой лавровой ветвью в другой, у ее ног брошенные воинские атрибуты. По обеим сторонам от нее склоненные флаги с тремя коронами (гербом Швеции). Внизу по сторонам постамента фигуры Марса и Нептуна в окружении брошенных воинских атрибутов. На постаменте выбита надпись: «Petri Magni Arctoi Herculis ultra duodenos plusquam Herculeus continualus belli labor, ipsa frendente invidia dignissime pace corona tur anno. Fæ Dere quo Petrus Magnus et Svecia constant» («Петр Великий, ознаменованный подвигами воистину выше многочисленных деяний Геркулеса, продолжил деяниями поражать, сам усмиряя ненависть достоинством, венец мира неизменный ныне устроил там, где противостояли Петр Великий и Швеция»).

Сам фейерверк, судя по гравюре, представлял собой три пирамиды. Центральную венчала императорская корона и изображение российского герба со святым Георгием, поражающим змея на щитке. Герб поддерживают крылатые Славы с трубами, украшенными лозунгом «Vivat Petrus Magnus Russorum Imperator». Боковые пирамиды увиты лавровыми ветвями и лентами с надписью «esse quodeius erat, redit, et sibi fæ dere iungit» («это было, возвращено, и он это присоединил») и перечислением основных

приобретений, закрепленных за Россией по Ништадтскому миру. На левой: «Carelia, Ingria, Estonia, Livonia», на правой: «Wiburg, Kexholm, Oesel, Dagoe».

В нижней части гравюры, по-видимому, воспроизведены входной портал, через который гости проходили в дом, и уже упоминавшиеся выше прозрачные картины, установленные по обеим сторонам от него. Об этом упоминается в надписи в центральной части изображения под литерой А: «Портал дома с боковыми стенками и иллюминацией длиной 24 локтя и шириной 16 локтей был устроен с 16 часов вечера до 7 часов утра». Далее под литерами «В», «С» и «D» приводится расшифровка сюжетов, изображенных на картинах. Так, на левой части под литерой «В» показаны земляные холмы, из которых торчат мачты кораблей, что символизирует победу русского галерного флота над шведским при Гренгаме. Тут же под литерой «С» изображена английская эскадра, наблюдавшая за происходящим. На второй картине, как видно из пояснительной надписи под литерой «D», изображен пролив Зунд с двумя замками: Кроненбург и Хельсинбург, через которые английская эскадра из Балтийского моря возвращается в Англию. Кроме того, в центральном портале под пояснительными надписями изображена медаль с портретом Петра I, выбитая в честь Ништадтского мира.

Тематика картин и фейерверка, устроенного А. П. Бестужевым-Рюминым во время приема, во многом перекликается с теми задачами, которые стояли перед петровским дипломатом в 1721 г. Здесь и прямые намеки на противостояние с английским королем Георгом I, оказавшим на последнем этапе Северной войны поддержку шведам, что выразилось в посылке в Балтийское море эскадры адмирала Норриса, и утверждение права владения территориями, полученными в результате военных действий, и, наконец, утверждение нового места России на европейской политической арене. В том числе и через продвижение в дипломатический оборот императорской титулатуры Петра I. Эти действия Бестужева были высоко оценены царем, что выразилось в собственноручном письме с изъявлениями благодарности¹⁶.

В тот же день, что и в Копенгагене, 11 декабря 1721 г., заключение мирного договора между Швецией и Россией было отмечено и в Дрездене при дворе еще одного бывшего союзника Петра – короля Польши, саксонского курфюрста Августа II. Прием и фейерверк устраивал русский посланник князь Сергей Григорьевич Долгоруков¹⁷.

Торжественные празднования по случаю заключения Ништадтского мира, организованные русскими представителями, стали своеобразным инструментом, использованным Петром I для достижения заявленных им целей на европейской дипломатической сцене. Северная война стала «жестокой школой», преподававшей Петру уроки и на полях сражений русской армии, и в коридорах вновь созданных учреждений, призванных стать инструментом управления страной, и в кулуарах дипломатических представительствах, где разгорались настоящие баталии не только с открытыми врагами, но и с бывшими друзьями и союзниками, заставляя его использовать все доступные приемы современной европейской дипломатии. Недаром сам Петр I писал: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно»¹⁸.

Синхронность по времени проведения торжеств в трех различных странах, общая тематическая направленность: утверждение тех результатов, которые добилась Россия благодаря тяжелейшим напряжениям всех сил страны, пропаганда усиления роли Русского государства в европейской системе координат, закрепление за ней ранга

великой державы, продвижение императорского титулования на дипломатическом и юридическом уровне – все это дает основания предполагать, что за деятельностью русских послов стоял сам Петр Великий, самозабвенно любивший «Вулкановы злобства» и принимавший в их устройстве зачастую самое непосредственное участие.

Красочные и одновременно технически сложные действия, являвшиеся синтезом пиротехники, живописи, механики, архитектуры, скульптуры и граверного дела, как ничто другое подходили для репрезентативного продвижения поставленных перед петровскими дипломатами задач. Последовательно и наглядно передавая в картинах «огненной потехи» политическую семантику отмечаемых событий, они служили своеобразной манифестацией внешнеполитического курса России.

- ¹ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Ч. 8. М., 1789. С. 243; КПБ. 98. Л. 178.
- ² Письмо к графу де Морвилю от 9 января 1724 года // Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 144.
- ³ Там же. С. 146.
- ⁴ [Берхгольц Ф. В.]. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца : в 4 ч. М., 1902–1903. Ч. 1. С. 134.
- ⁵ Речь, которая публично... говорена вице-президентом Св. Синода архиепископом новгородским Феодосием... // Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий гражданской печати, 1708 – янв. 1725. М.; Л., 1955. № 655.
- ⁶ Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества 22 октября 1721 г. // ПСЗ. Т. 6. СПб., 1830. № 840.
- ⁷ [Берхгольц Ф. В.]. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. С. 134.
- ⁸ Там же. С. 135.
- ⁹ Там же. С. 135.
- ¹⁰ Бассевич Г. Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866. Стб. 85.
- ¹¹ История внешней политики России, XVIII век / отв. ред. Г. А. Санин. М., 1998. С. 265.
- ¹² О Императорском титуле в грамотах, указах, прошениях и приговорах: именной указ от 11 ноября 1721 г. // ПСЗ. Т. 6. № 3850. С. 453–454.
- ¹³ В 1721 г. императорский титул признала Пруссия, в 1722-м – Голландия, в 1723-м – Швеция, в 1732-м – Дания, в 1741-м – Турция, в 1742-м – Англия и Австрия, в 1745-м – Франция и Испания, в 1772-м – Польша.
- ¹⁴ Базарова Т. А. «Знак приязни оной Порты к его царскому величеству и к министром его»: Торжества в Стамбуле в честь третьей годовщины Полтавской победы // Военно-исторический журнал. 2013. № 6.
- ¹⁵ Христоффел ван Брантс (Христофор Бранат; Christoffel van Brants; 1664–1732) – голландский предприниматель и дипломат. Долгое время проживал в Немецкой слободе в Москве, неоднократно выполнял поручения Петра I. В августе 1717 г. во время своего пребывания в Голландии Петр I пожаловал К. Брантсу российское дворянское достоинство, произвел его в надворные советники и назначил торговым резидентом в Амстердаме.
- ¹⁶ Григорьев Б. Н. Бестужев-Рюмин. Великий канцлер России. М., 2014. С. 24.
- ¹⁷ Ровинский А. А. Описание фейерверков и иллюминаций. [СПб.], 1903. [Ч.] 2. С. 194.
- ¹⁸ Письмо В. Л. Долгорукому в Париж. Цит. по: Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1986. С. 398.